

Н. Л. ЯНЧЕВСКИЙ

9/с16/13

9-66

РАЗРУШЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О КАЗАЧЕСТВЕ

2780

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
НА ДОНУ В СВЯЗИ С ЭВОЛЮЦИЕЙ
:: АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ::

1 9 3 1

H185 164

ЦЕНА 40 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Ростов н-Д., Московская, 112.

Телефон 20.130

V.N. Karazin Kharkiv National University

00338070

9

0[c16]13
9-66

Н. Л. ЯНЧЕВСКИЙ

~~9/14/21~~
~~9-66~~

05551
2798

РАЗРУШЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ О КАЗАЧЕСТВЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ НА ДОНУ, В СВЯЗИ С ЭВОЛЮЦИЕЙ
АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА
10046

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“
Ростов н-Д. 1931 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Глава I	5
Глава II	31
Глава III	53
Глава IV	62
Заключение	78

№ 1047
XII--30

Статформат А5 148x210

Гостипография им. Коминтерна СККПО в Ростове н-Д.

Крайлит А24/865

Заказ 165

Тираж 10.000

Н185164

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

ОТ АВТОРА.

Настоящая работа в первой части представляет из себя сокращенное изложение книги автора: „Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI-XVII в.в.“, а во второй и третьей части — переработку статей автора, напечатанных в журнале „На подеме“ за 1930 г. Выводы автора основаны почти исключительно на архивных источниках. Автор не загромождает ссылками настоящую работу, — указания будут даны в готовящейся к печати книге: „Аграрный вопрос на Дону“.

Настоящее популярное изложение выводов автора предназначено для широких масс, интересующихся вопросами краеведения, и учащихся. С преждевременным, может быть, изложением своих выводов автора заставило поторопиться почти полное отсутствие марксистских трудов по истории казачества и аграрных отношений на Северном Кавказе.

Н. Янчевский.

ГЛАВА I.

Обычно история колониальной политики на Дону сводится к истории казачества, а история последнего или превращается в официальную патриотическую фальсификацию, или в лучшем случае в историческую легенду о самобытной „вольнице“, бежавшей от крепостного права на „тихий Дон“, которую лишь использовывало правительство для своих целей.

Историческая наука отражает идеологию господствующих классов, а история Дона, прежде всего, отражала до сих пор идеологию донского дворянства. На это обратил внимание в начале XIX века, присланный на Дон для ознакомления с порядками, генерал-адъютант Чернышев, который в своем докладе императору Александру I писал, что донское дворянство древними распорядками и обычаями пыталось прикрыть свое самовластие. Донскому дворянству необходимо было обеспечить за собой право на монопольное расхищение земельных богатств Дона и с этой целью дворянство создало легенду об исторической самобытности казачества, обосновывая свое право на расхищение земель при помощи „древних распоряжков и обычаев“.

В XVIII веке, в итоге турецких войн, Россия при заключении мира с Турцией выговорила право свободного плавания русских судов через Дарданеллы. Таким образом, русский хлеб получил доступ на иностранный рынок и богатейший чернозем Новороссии и Дона привлек хищнические аппетиты уже обедневшего к тому времени дворянства центральной России, которое жадно набросилось на южный чернозем. Но донские старшины-землевладельцы, которые успели уже к тому времени расхитить значительную часть земель из той огромной территории, которая находилась в их распоряжении, не хотели упускать из своих рук богатств, обладателями которых они оказались. Так завязалась борьба между донскими землевладельцами и дворянством центральной России, интересы которых отражало центральное правительство. Из этого столкновения интересов формирующегося донского дворянства с дворянством центральной России и роди-

лась легенда о самобытности казачьих областей, об особенностях исторического развития Дона, которая обосновывало право донских землевладельцев на расхищение земель. Эта легенда играла служебную роль. Она помогла донскому дворянству удержать за собой огромную площадь земель, наиболее удобных в почвенном и климатическом отношении и ближе расположенных к рынкам сбыта.

Внешне революционная легенда о происхождении казачества, созданная донским дворянством, теснейшим образом связана с теорией колонизации, которая играет большую роль в трудах буржуазно-дворянских историков от Карамзина до Платонова. Буржуазно-дворянская теория колонизации точно так же играла служебную роль—она сочеталась с идеей самодержавия, православия и великодержавным национализмом, логически увязывалась с расселением великорусского племени, с распространением христианства, с укреплением и расширением власти самодержавия. Теория колонизации прикрывала и классовые интересы дворянина-помещика, который на протяжении столетий боролся за территориальные захваты, и интересы торговой буржуазии, которая боролась за монопольные рынки, торговые пути и колонии.

Теория колонизации играла в русской истории огромную роль. Именно при помощи теории колонизации историки устранили с поля зрения национальный вопрос, и образование Российской империи сводилось к расселению великорусского племени. Правда, историки по-разному объясняли причины колонизации: одни объясняли колонизацию особой исторической миссией русского народа, как это мы видим у С. Соловьева и Ключевского, другие—экономическими причинами, как мы это видим у Рожкова,—но так или иначе колонизация являлась основным моментом в истории образования Российской империи. СССР населяют множество народностей, до революции великороссы составляли лишь 43 процента населения, но если мы заглянем в историю прошлого, то мы не найдем там национального вопроса, который является одним из важнейших вопросов Октябрьской революции. Не меньшее значение эта теория имеет и для вопроса об особых путях развития России. Историкам буржуазно-дворянского лагеря было необходимо доказать, что русская история развивается совершенно своеобразно, а не по тем законам, по которым развивается история Запада. Одним из отличительных признаков особенностей развития России считалась именно колонизация.

В исторической литературе вопрос о происхождении казачества, в том числе и донского, теснейшим образом связан с теорией колонизации.

Например, у крупнейшего историка буржуазно-дворянского лагеря С. Соловьева, у которого колонизация является важнейшим моментом русской истории, из этой теории вытекает и образование казачества. По его мнению: „одним из господствующих явлений древней русской жизни была колонизация, постепенное население пустынных пространств Восточной Европы и потом Северной Азии“. Проводником колонизации у С. Соловьева является казачество. „Как обыкновенно бывает,—пишет он,—в странах колонизирующихся, усевшаяся часть народонаселения, предавшаяся постоянному труду земледельческому выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства, находящиеся в большей или меньшей связи с их характером, заставляют выходить из общества и стремиться в новые, незанятые страны. Понятно, что эти люди, предпочитающие новое старому, неизвестное—известному, составляют самую отважную, самую воинственную часть народонаселения; в истории колонизации они имеют великое значение, как проводники колонизации; пролагатели путей к новым селищам. Отвага, нужная человеку, решившемуся или принужденному оставить родину, идти в степь, в неведомую страну, эта—отвага поддерживается в нем жизнью в степи, где он предоставлен одним собственным силам, должен постоянно стоять настороже против степных хищников. Отсюда эти люди должны соединяться в братства, общины, для которых война служит главным занятием. Так границы государства населялись казаками... Существование казаков, как пограничного воинственного народонаселения, было естественно и необходимо по географическому положению древней Руси, по открытости границ со всех сторон; на всех границах должныствовали быть и действительно были казаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степных границах, подвергавшихся постоянным и беспощадным нападениям кочевых хищников, где, следовательно, никто не смел селиться, не имея характера воина, готового всегда отражать нападение, сторожить врага. Границы запаслись казаками, которые находились в большей или меньшей зависимости от государства, более или менее подчинялись его распоряжениям, смотря по тому, жили они на самых границах, так сказать, под руками правительства, или углублялись все более и более в степи, удаляясь таким образом от надзора и влияния государства“.

Возьмем далее теорию образования России Ключевского, удержавшуюся и до нашего времени. Он кладет в основу процесса образования Московского государства „собрание земли и сосредоточение власти, постепенное территориальное расширение вотчины московских князей на счет других княжеств и по-

степенное материальное усиление великого князя московского на счет удельных". Суть этого процесса Ключевский излагает так: „Мы знаем, как в удельные века путем колонизации в центральной и северной Руси сложилось новое племя в составе русского населения, образовалась новая народность—великорусская. Но до половины XV в эта народность оставалась лишь фактом этнографическим, без политического значения: она была разбита на несколько самостоятельных и разнообразно устроенных политических частей, единство национальное не выражалось в единстве государственном. Теперь вся эта народность соединяется под одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщает новый характер Московскому княжеству. До сих пор оно было одним из нескольких княжеств северной Руси; теперь оно остается здесь единственным и поэтому становится национальным, его границы совпадают с пределами великорусской народности... Вот основной факт, от которого пошли остальные явления, наполняющие нашу историю XV и XVI веков. Можно так выразить этот факт: завершение территориального собирания Северо-Восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство, и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великого русского государя“.

Так преломляется в теории буржуазного историка переход к торговому капиталу, политической оболочкой которого является национальное государство.

Для объяснения дальнейшего расширения территории России Ключевский прибегает к колонизации,—не к колониальной политике правящих классов Московского государства, а затем России, а именно к колонизации, т. е. к дальнейшему расселению великорусского племени. Так, например, объясняется включение в территорию государства Сибири: „Русская колонизация,—пишет Ключевский,—еще в XVI веке перевалившая за Урал в продолжение XVI века уходит далеко в глубь Сибири и достигает китайской границы, расширяя Московскую территорию уже в половине XVI века по крайней мере тысяч на 70 кв. миль, если только можно прилагать какую-либо геометрическую меру к тамошним приобретениям. Эти успехи колонизации на востоке привели Московское государство в столкновение с Китаем“. Таким образом, политика торгового капитала Московского государства XVI-XVII веков, завоевательная политика Строгановых, грабеж и уничтожение туземцев, классовые интересы торговой буржуазии—в свете буржуазной теории образования Московского государства превращаются в общенациональное колонизационное движение, в защиту европейской культуры и освящаются религией.

„Колонизация“, это—ширма, за которой скрывают буржуазные историки хищническую политику торгового капитала в Сибири и грабеж помещиков в Поволжье, на Дону и в Новороссии. Классовым интересам в данном случае придается характер национальных, общенародных и даже общекультурных, именно при помощи подмены колониальной политики колонизацией, в частности казацкой. При помощи той же теории колонизации с поля зрения исчезает национальный вопрос и все не уничтоженное туземное население захваченных территорией механически превращается у буржуазных историков в „инородцев“.

То же самое говорит и Платонов: „Казачество русское,— пишет он,—сбило татар с Поля... Не вошедшее в черту государства Поле стало, однако, русским“... и т. д. Роль правительства сводилась к тому, что оно „решило воспользоваться колонизационным движением и ввести Поле в государственный оборот“.

Г. В. Плеханов, вслед за С. Соловьевым, полагает, что колонизация являлась одним из существенных моментов русского исторического процесса. По его мнению, „Западная Европа не имела ничего подобного казачеству“. Переоценивая вслед за С. Соловьевым влияние на историю географической среды, он пишет: „Спора нет: только благодаря указанным здесь особенностям географической среды и возможно было возникновение казачества. Прав С. Соловьев и в том, что казаки были для русского государства подчас опаснее самих кочевых орд. Однако, этими указаниями еще не исчерпывается вопрос о роли казацких удалцов в истории русского общественного развития. А так как он сильно интересовал когда-то наших народников, то нам придется досказать то, чего не досказал покойный историк. По его словам, казачество составилось из таких людей, которые по разным причинам не хотели оставаться в обществе или должны были уйти из него. Но между этими разными причинами легко заметить одну, самую важную: тяжелое, а иногда и прямо невыносимое положение низшего класса, из которого, главным образом, и вербовалось казачество. Мы видели, что возраставшее запустение государственного центра вынудило Московское правительство прикрепить крестьян и посадских людей с месту их жительства. Человек, которому становилось невыносимой его жизнь на крепостной цепи, имел перед собой только один выход: побег. А так как Московское правительство ловило беглых и, учинив им надлежащее наказание, снова сажало их на цепь, то им нужно было скрываться „за пределы досягаемости“, иначе сказать—за границу Московского государства. Вот тут-то и выручали их „южные степные страны России по течению больших рек“. Чем больше возрастал гнет, лежавший на низшем классе Мо-

сковского государства, тем больше являлось побуждение для побега и тем многочисленнее становилось население по берегам казачьих рек, т. е. Дона и Яика, Волги и Терека“.

Здесь, как мы видим, переоценка влияния географической среды на историю привела Г. В. Плеханова к признанию казачества своего рода географическим явлением.

Таким образом, даже у Плеханова теория колонизации служит доказательством того, что история России должна рассматриваться в качестве процесса, отличного от истории других стран.

Теории колонизации не удалось преодолеть и Н. А. Рожкову. Говоря о внешней политике Московского государства в первой половине XVI века, Н. А. Рожков стоит на точке зрения обороны: „Нельзя было,—пишет он,—не защищаться от набегов крымских и казанских татар...“ По его словам, Московское государство терпело от „грабительских нападений“ крымского хана и от казанцев, „грабежи которых сделались чуть ли не разорительнее крымских“. Новые пути внешней политики в XVI веке, по мнению Н. А. Рожкова, были продиктованы интересами дворянства и купечества, понимаемыми Н. А. Рожковым в качестве общего блага, т. е. так, как рассматривают в настоящее время социал-соглашатели интересы империалистов. Однако, к классовым пружинам Н. А. Рожков присоединяет и борьбу с „разбойниками“. Он пишет: „После 1547 года характер внешней политики меняется существенным образом. Дворянству нужны были новые земли, для нового товарного хозяйства необходима была Волга, надо было уничтожить возможность разбойничьих набегов, по крайней мере, из Казани, если не из Крыма. В результате получилось завоевание Казани в 1552 году и потом занятие Астрахани и всего течения Волги“.

У Н. А. Рожкова интересы дворянства и купечества прикрываются борьбой с „разбойничьими“ набегами путем более грандиозного набега Московского государства на Казань и Астрахань. Однако, такая постановка вопроса не мешает Н. А. Рожкову принимать причину за следствие и объяснять развитие торгового капитала не колониальной политикой, а путем подмены колониальной политики колонизацией, объяснять развитие торгового капитала содействием колонизации. „Остается... отметить,—пишет он,—что этому (т. е. развитию торгового капитала—Н. Я.) содействовало расширение территории государства, совершавшееся путем колонизации в двух направлениях—на юг, в глубь степей, с их тучным черноземом, и на восток—в сибирские дали, с их необозримой широтой“.

Эта колонизация представляется Н. А. Рожкову, по существу, национальным движением, хотя он этого слова и не произносит.

под которое он подводит экономическое обоснование: „колонизацией,—пишет он,—население реагировало на некоторую хозяйственную отсталость, ею оно подчеркивало необходимость значительно видоизменить экономический тип Московского центра“.

Марксистская схема русской истории разработана М. Н. Покровским, но основные мысли даны в работах В. И. Ленина. В своем докладе на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов М. Н. Покровский по этому поводу сказал: „Та схема, та концепция русской истории, которую сейчас называют марксистской и которую иногда делают мне честь связать с моей скромной личностью, это—концепция Ленина, а не моя. Я оказался Колумбом после открытия Америки и, не подозревая, что берега уже открыты, подошел к этим берегам и, найдя их зело пустыми, поднял на них свой флаг“. Сущность этой теории заключается в том, что „торговый капитал был настоящий царь, который,—как говорит М. Н. Покровский,—стоял за коронованным, в сущности, призраком...“ Именно торговый капитал был той силой, которая создала Российскую империю. В своем произведении: „Что такое друзья народа“—В. И. Ленин писал:

„Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако, о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно, с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков, в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных“¹.

¹ Ленин, соч. I, ГИЗ, 1926 г., „Что такое друзья народа“, стр. 72-73.

М. Н. Покровский сущность процесса образования Российской империи излагает следующим образом: „Собирание Руси с самого начала Московского княжества и до Александра I двигалось совершенно определенным экономическим фактором,—этим фактором был торговый капитал. Для торгового капитала чрезвычайно важны были размеры территории, на которой он действует, потому что, чем шире территория, находящаяся в монопольном обладании торгового капитала, тем крупнее его оборот и тем больше его прибыль. Отсюда, наклонность государств торгового капитала собирать землю. Французский торговый капитал заставил французских королей собирать Францию. Торговый капитал XVI века повел к образованию громадной империи Карла V, в пределах которой не заходило солнце. Торговый капитал всегда и всюду вел к собиранию земли, потому что ему экономически было нужно объединить в одних руках громадную территорию. И, изучая шаг за шагом историю, так называемой, Российской империи, вы видите, что это есть ряд завоеваний торгового капитала, под влиянием которого складывается империя, собираются земли. Источником собирания земель служили, с одной стороны, завоевания на Востоке, а с другой—отнятые области на Западе, у Польши, у Украины. Торговый капитал тянул к себе все новые земли и, в конце концов, при Николае I начал распухать за географические пределы русской равнины, попытавшись втянуть в круг своих действий и Персию, и Турцию, и даже Среднюю Азию“.

Но это „собирание Руси“ не явилось процессом мирной колонизации окраин или, по выражению Н. А. Рожкова, отливом, лишённым „бурного катастрофического характера“, нормальным и естественным „и по темпу, и по направлению—в более благодатные области“, а представляет из себя, прежде всего, завоевание, захват и истребление туземного населения. Таким образом, „колонизация“ предполагала сначала завоевание, усмирение, кровопролитные войны, истребление и порабощение туземного населения, т. е. именно то, что мы называем колониальной политикой.

В. И. Ленин окраины России в политико-экономическом смысле причисляет к колониям. Так, он пишет, что „южные и восточные окраины Евр. России, заселявшиеся в пореформенную эпоху... представляют из себя в экономическом смысле колонии центральной Европ. России... Еще более приложимо это понятие—колонии к другим окраинам, например, к Кавказу. „Экономическое завоевание его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завое-

вание не закончено и до ныне" ¹. Говоря о книге Ремезова: „Очерки из жизни дикой Башкирии“, В. И. Ленин совершенно ясно и отчетливо говорит о колониальной политике. По его мнению, эта книга—„живое описание того, как „колонизаторы“ сводили корабельные леса и превращали „очищенные“ от „диких“ башкир поля в „пшеничные фабрики“. Это такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке“,—пишет В. И. Ленин. В речи, произнесенной на 2-м конгрессе Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин совершенно ясно говорит о „колониях, принадлежавших ранее царизму“. Надо заметить, что слово „инородцы“ В. И. Ленин всегда брал в кавычки. Так, в статье: „О праве наций на самоопределение“, написанной в 1914 г., он считает одной из особенностей России то, что „инородцы“ (составляющие в целом большинство населения, 57%) населяют как раз окраины, во вторых, то, что угнетение этих „инородцев“ гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских)“.

Исходным пунктом колониальной политики является XVI век, а системой колониальных войн с XVI века до падения царизма являлось казачество.

Значение слова „казак“ менялось на протяжении веков. Под именем „казаков“ мы знаем до XVI века, прежде всего, татарские феодальные дружины, существовавшие у ногайцев, азовцев, крымцев и казанцев. Отдельные татарские князья переходили на службу к великому князю Московскому со своими дружинами „казакам“. Об этом имеются совершенно точные указания. Так, относительно городецких или мещерских казаков, которые упоминаются раньше всех—в 1444 г., а на Дону в 1502 г., имеются указания на то, что к Василию Темному, когда он вышел из казанского плена, приехал служить с отрядом татар царевич Касим, которому был отдан Мещерский Городец на Оке с уездом, названный именем царевича Касима. В дальнейшем, вместе с распадением российского феодализма, с этими дружинами произошло то же, что происходило с феодальными дружинами на Западе. Эти дружины были распущены и выброшены на рабочий рынок. Они уже не могли существовать, так как не было тех условий, при которых они возникли, ибо феодальный строй уже подвергся разрушению.

С разложением феодального строя должно было исчезнуть и казачество, как разновидность феодальных дружин, образовавшихся под влиянием татар, от которых казаки получили свое на-

¹ „Развитие капитализма в России“, изд. Мос. раб., 1923, стр. 18.

звание. И казаки, действительно, подобно феодальным дружинам Запада, были выброшены на рабочий рынок. На севере России казаки превращались просто в работников (казаков и казачек — так на севере России в XVIII веке назывались работники и работницы). На южной и восточной границах Московского государства казаки частью были превращены в служилый люд и несли так называемую сторожевую и станичную службу на границах государства. Наконец, казаки составляли отряды обычных по тому времени не только в Московском государстве, но и повсюду в Европе, отряды наемных войск. Таким образом, в условиях феодализма казаками назывались феодальные дружины, в условиях господства торгового капитала казаками назывались: 1) „вольный гулящий люд“, не плативший податей и не имевший хозяйства, 2) служилые люди Московского государства и, наконец, 3) наемные войска.

Таким образом, само по себе слово „казак“ не означает вольного или бэглого человека. Например, в XVI веке среди донских казачьих атаманов упоминаются представитель известной фамилии Трубецкой и князь Друцкий.

На Северном Кавказе до революции мы видим основную массу казачества бывшей Российской империи. Революционная романтика, по сути дела созданная донским дворянством и воспринятая историками позднейшего времени, запутывала и затемняла вопрос о происхождении казачества, подменяя колониальную политику колонизацией. Между тем, на протяжении ряда столетий мы имеем дело на Северном Кавказе не с вольной колонизацией, не с расширением границ государства путем вольной колонизации, за которой следовала правительственная, а с колониальной политикой, т. е. с грабежом, порабощением и чудовищной эксплуатацией туземного населения, борьбой за колонии, монопольные рынки и торговые пути.

С XVI века, когда в борьбе за Каспийское море и волжский торговый путь были поставлены наемные войска на Дону и на Тереке, и до второй половины XIX века, когда закончилось, так называемое, „замирение Кавказа“, методы колониальной политики оставались неизменными. Эти методы ничем не отличались от методов любого „христианского“ государства по отношению к колониям: черкесы на Кубани были истреблены в XIX веке точно так же, как ногайцы на Дону в XVI веке.

Выдающиеся буржуазные историки XIX века С. Соловьев и Ключевский эту кровавую эпопею называют борьбой за христианскую цивилизацию. Так, у крупнейшего представителя русской и исторической науки С. Соловьева колониальная политика Московского государства окрашивается в религиозные тона. Завое-

вание Казани и Астрахани, захват волжского торгового пути представляется С. Соловьеву „подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских“. Буржуазные историки очень искусно превратили туземцев в инородцев, а поработителей в туземцев. По крайней мере, официальная, да и не только официальная история, подменяя вопрос о колониальной политике вольной казачьей колонизацией, совершенно серьезно ставила вопрос об исторически сложившейся казачьей общине, развивавшейся первоначально независимо от Московского государства.

Возникновение Донского, Яицкого, впоследствии Уральского, войск относится ко второй половине XVI века. Если мы присмотримся к экономике Московского государства того времени, то увидим, что, во-первых, эти казачьи войска образовались именно в то время, когда началась борьба Московского государства за монопольные рынки и торговые пути и колонии, затем, во-вторых, что эти войска возникли именно там, где были нужны торговому капиталу, в целях осуществления поставленных перед ним задач. XVI век—начало капиталистической эры. В это время Московское государство не оставалось в стороне от величайших событий того времени. В Московском государстве вторая половина XVI века является началом одного из вариантов эпохи первоначального капиталистического накопления, т. е. открывает предисторию капитала и соответствующего ему способа производства. Здесь мы наблюдаем ряд явлений, которыми характеризуется вообще эта эпоха, иногда в развитых формах и в завершенном виде, а иногда в заторможенном. В силу целого ряда причин этот бурно начавшийся процесс не получил быстрого завершения, и предистория капитализма в России была заторможена феодально-дворянской реакцией.

Начиная с XVI века, Московское государство было вовлечено в водоворот мировой торговли и связано теснейшими экономическими узами с западными странами. В эту бурную эпоху, когда происходил первый передел мира, Московское государство, как любое государство Западной Европы, принимало участие в жестокій борьбе за колонии, монопольные рынки и торговые пути. Всем известно о таких географических открытиях, как открытие в 1492 году Америки и открытие в 1498 году морского пути в Индию, которые произвели необычайный эффект в Европе и послужили одним из важнейших моментов первоначального накопления: именно эти открытия создали колониальную систему той эпохи. Для московского государства не меньшим, может быть,

открытием является волжский торговый путь Архангельск—Астрахань, имевший мировое значение. Не малую роль в открытии этого пути сыграла Англия, пытавшаяся найти северный путь в Индию и Китай, а также Голландия. Открытие морского торгового пути в Московское государство через Архангельск—англичане сравнивали с открытием морского пути в Индию, а голландцы торговлю с Москвой считали такой же выгодной, как и плавание в Испанию, „т. е. иными словами в Америку“. В 1634 г. голландская компания за дозволение торговать через Московское государство с Индией и Персией соглашалась уплатить 60.000 ефимков в год. И Англия, и Голландия были заинтересованы в то время в рынках для сбыта сукна. Однако, важнейшим предметом торговли считался шелк-сырец, высоко ценившийся тогда в Европе, который доставлялся из Персии в Астрахань. Торговля шелком-сырцом была чрезвычайно выгодна торговому капиталу Московского государства и торговый капитал боролся за монопольное обладание этим рынком. Отсюда вытекала борьба за волжский торговый путь и Каспийское море. Но торговый капитал был заинтересован также в приложении капитала к разработке огромных рыбных богатств Волги,—после завоевания Волги по Волге каждый год проходило 500 больших и малых судов за солью и рыбой. Наконец, помещики Московского государства нуждались в новых землях, в приволжском черноземе, который современники Ивана IV называли „подрайской землицей“. Именно в это время, т. е. во второй половине XVI века, были заложены основы колониальной политики Московского государства, а затем Российской империи и был указан тот путь, который закончился во второй половине XIX века „замирением Кавказа“ и „присоединением“ средне-азиатских владений.

„Поскоритель Сибири“ Ермак ничем не отличался от искателей приключений своего времени, и превращение „вора“, т. е. в данном случае—разбойника и авантюриста, в историческую фигуру,—явление в то время обычное. Колониальная политика Московского государства ни по существу, ни по методам не отличалась от колониальной политики любого европейского „христианского“ государства, она являлась такой же политикой грабежа, насилия и захвата.

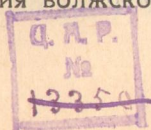
Хотя иностранцы и рассматривали Москву в то время, как Азию, и москвитов, как азиатов, это не мешало Москве расценивать себя в качестве „третьего Рима“ и, в свою очередь, рассматривать туземное население Сибири, Поволжья и Дона в качестве „бусурман“ и „иностранцев“.

Интересы торгового капитала властно толкали Москву на завоевание Волги, на борьбу за обладание бассейном Каспий-

ского моря. Здесь сошлись торговые интересы Московского государства, Англии и Персии. Во второй половине XVI века и в начале XVII века мы наблюдаем, что соединенными усилиями Московского государства и Персии рвутся старые торговые пути, соединявшие Азию и Европу, и устанавливается новый путь по Волге. Иван IV и его преемники захватывают и закрепляют Казанское и Астраханское царства, затем, создав войска на Дону, Тереке и Яике, при помощи этих войск замыкают торговые пути по Дону, через Кавказский перешеек, а также по Яику. Шах Аббаз Великий (1586—1628 г.) захватывает у турок берега Каспийского моря, оттесняет их от Азербайджана, Грузии, Курдистана, Багдада и Моссула, через который шел древнейший арабский путь из Трапезунда в Индию.

В 1552 году была завоевана Казань, в 1556 году пало Астраханское царство, и в этом же году английской компании была дана привилегия на беспошлинную торговлю, а несколько позднее—в 1651 г.—англичанин Дженкинсон завязал торговые сношения с Персией. В течение второй половины XVI века Московское государство захватывает в бассейне Каспийского моря важнейшие экономические и стратегические пункты и замыкает старые торговые пути. В 1552 году два черкесских князя перешли на службу к великому князю. В 1567 г. Иван IV поставил крепость на Тереке. В это же время была поставлена крепость во владениях Шамхала-Торковского, в Торках. В 1549 г. впервые упоминаются донские казаки. В 1559 г. Иван IV обещает крымцам построить город на Донецких Раздорах. В 1681 г. на Яике разрушается один из важных пунктов—Сарайчик, откуда шел путь в Среднюю Азию и строятся казачьи городки. Почти одновременно торговый капитал распространяет свое влияние на Сибирь, которая, по официальному заявлению, была занята Пермскими, Вятскими, Волжскими и Донскими казаками. Придерживаясь политики „разделяй и властвуй“, Иван Грозный, пользуясь внутренними раздорами среди ногайцев, восстановил сначала Крым против Казани, затем ногайских мурз против крымцев, привлек на свою сторону князя Дмитрия Вишневецкого, который со своей дружиной был на Дону, кабардинских князей, с которыми Иван IV завязал родственные связи и вступил в дружественные сношения с катехинским царем Александром.

Если мы возьмем все эти события: борьбу за Казанское и Астраханское царства, постройку городков во владениях кабардинских князей на Тереке и в Дагестане, образование Донского, Яицкого и Терского войск, то увидим, что все это относится к одному и тому же периоду времени—все эти события вытекали из основной задачи завоевания волжского торгового пути и Ка-

спийского моря, образование Донского, Яицкого и Терского казачьих войск являлись необходимой частью этой общей задачи. К этому периоду относится также образование казачества на Днепре, которое выполняло по отношению к Крыму ту же роль, какую Донское войско выполняло по отношению к Азову: оно замыкало путь крымцам по Днепру. Нам нет никакой необходимости прибегать для объяснения возникновения донского казачества ко всякого рода вымыслам или к теории вольной „колонизации“, современники прекрасно понимали его назначение. Так Котошихин, дьяк Посольского Приказа, в 1669 г. писал, что если бы не было донских казаков, то Москве не принадлежали бы Казанское и Астраханское царства с их землями.

Таким образом, Каспийское море и волжский путь оказываются в руках Персии и Московского государства, в руках которых сосредоточивается монопольная торговля персидскими, индийскими и бухарскими товарами, и из рук Турции выпадает господство над старыми торговыми путями. Мы наблюдаем здесь частный случай тех изменений, которые произошли в этот период в мировом обмене. Торговый капитал, ринувшийся в поиски за новыми торговыми путями, за новыми рынками, порвал те связи, которые существовали тысячелетия, те народы, которые преобладали в торговле, утратили свое значение, торговые пути пошли по другим направлениям и центры мировой торговли переместились.

„В связи с открытием морского пути в Индию и открытием Америки, характер торговли изменился: торговля теперь вышла за узкие пределы внутренних морей—Средиземного, Северного и Балтийского и приобрела океанский характер, сосредоточиваясь на соединявших между собой части света Атлантическом и Индийском океанах“.

„Таким образом,—замечает Кулишер, выписку из книги которого мы привели,—в течение немногих десятилетий, с точки зрения мировой истории, как бы одним ударом, Средиземное море лишилось своего тысячелетнего положения в международной торговле, опустившись на ступень континентального моря с небольшим торговым значением. Открытие морского пути в Индию как бы одним взмахом остановило тысячелетнюю жизнь его, отодвинуло его из центра земного шара на окраину“.

Историческое значение переворота, который был произведен в мировой торговле завоевательной политикой Ивана IV, заключается в том, что волжский путь пересекал древний арабский путь из Европы в Азию, по которому шла также венецианская и генуэзская торговля.

Долгое время до открытия морского пути в Индию (1498 г.), которое повлекло за собою перемещение центра мировой торговли, — торговый путь по Дону до „Переволоки“ являлся наиболее удобным путем для торговых сношений Европы с Китаем, Средней Азией и Индией. Три пути могли вести из Европы в Индию и Среднюю Азию. Первый через Трапезунд, второй — через Кавказ и Каспийское море, и третий — через Дон и Волгу. Устье Волги точно так же, как и устье Дона с древнейших времен являлось этим узлом торговых путей. Астрахань служила складочным местом для товаров, и бассейн Каспийского моря имел важное экономическое значение. Торговый путь — Архангельск — Астрахань, имевший колоссальное значение для возвышения торгового капитала Московского государства, пересекал путь, по которым в течение многовекового исторического периода шла торговля между Европой и Азией. Этот путь пересекал точно так же и древнейший торговый путь от Азова по Дону до „Волжской Переволоки“.

До XVI века на Дону скрещивались торговые пути и посольские дороги, был даже известен прямой водный путь из Москвы в Константинополь. Этот перекресток торговых путей на Дону, как и все торговые пути средневековья, являлся притоном разбойников. Так, за 300 лет до Разина, в 1374 г. итальянский искатель приключений Луккинно Ториго пробрался на Дон, отсюда на Волгу, разграбил несколько кораблей и возвратился в Италию. В 1375 г. на Волге грабили нижегородские ушкуйники (ушкуй — лодка) во главе с Прокопом. Этот перекресток путей служил разбойниками и в XVI-XVII веках.

Посольский путь из Московского государства в Турцию проходил по Дону до Азова, первоначально от Рязани, затем от Ряжска и наконец от Воронежа, который был основан в конце XVI века. В 1615 году российские казаки, употребляемые при посольстве, которые были и торговыми караванами, упоминаются наряду с ногайцами и крымцами. В 1521 г. царскому послу Третьяку Губину было повелено настаивать перед Турцией на том, чтобы размен русских и турецких послов происходил на Хопре или, в крайнем случае, на Медведице, при чем половиной пути от Азова до границы Московского государства считалась волжская „Переволока“. Наряду с охраной посольских и в то же время торговых путей, казаки украинских городов, т. е. служилый люд, разноплеменный по своему составу, куда входили и мордва, и чуваша, и татары, и русские, несли на Дону, так называемую, сторожевую и станичную службу. В 1571 г. существовали сторожи по рекам Сосне, Дону и другим рекам, урочищам, крайним пунктом которых являлось устье Богатого

затона, то-есть то место, где упоминается первый известный в истории донской атаман Сары Азман. Эти сторожи об'езжались особыми станицами, т. е. отрядами, которые выезжали через каждые 2 недели из Рыльска и Путивля. Другие сторожи из Пронска, Михайлова, Мещеры, Новосили, Епифани и Дедилова ездили для разведки к Северскому Донцу, на Дон, к Тихой Сосне и Калитвам, и доезжали до Раздоров Донецких.

Помимо этих станиц, т. е. отрядов, которые ездили для разведки, существовали, так называемые, стоялые головы, один в Вешках, выше Хопра и Медведицы, т. е. примерно, так, где станица Вешенская. Уже в 1533 г. на Дону упоминается сторожа Прибыльная. Таким образом, прежде всего мы встречаемся на Дону со сторожевой и станичной службой, которые несли служилые люди украинских городов. Здесь же мы встречаем азовских, белгородских, ногайских и путивльских казаков. Так, в 1519 г. белгородские и азовские казаки просили великого князя московского разрешить им перекочевать в Путивль и быть его слугами.

Буржуазно-дворянские историки обычно рассматривали завоевание Казани и Астрахани, а также дальнейшее продвижение на Дон, на Терек и на Яик, как борьбу христианства с мусульманским миром. Если торговый капитал Турции прикрывал свои интересы религиозной оболочкой, то и торговый капитал Московского государства прикрывал свои интересы точно так же религиозной оболочкой: солдат, купец и поп, как это было всюду в это время в Западной Европе, выступали вместе в борьбе за колонии под знаком распространения христианства и цивилизации. Между тем, как отметил в свое время Маркс, нигде и никогда в мире не было ничего более варварского, чем так называемая „христианская“ колониальная система. Эта теория борьбы за христианство и цивилизацию фигурировало у всех буржуазно-дворянских историков. Довольно высокая культура туземного населения Поволжья, Дона, а также Крыма, их экономическое значение или игнорируется, или представляется в извращенном виде. Так например выдающийся историк буржуазного лагеря—Ключевский не находит по отношению к крымцам иного имени, как „разбойники“. Это представление о крымцах и ногайцах исключительно как о „разбойниках“, о кочевниках, лишенных какой бы то ни было культуры, как об „инородцах“ и исторических врагах „русского народа“—вбивались в голову старыми учебниками.

За ногайцами, например, историки прошлого даже отрицают право на территорию Дона, где мы встречаем ногайцев в течение нескольких столетий, за ними отрицается право на террито-

рию, на название государством, хотя они занимали вполне определенную территорию и у них мы видим такое же классовое общество, как и в Московском государстве, и, следовательно, ногайцы обладали точно так же государственным строем не худшим и не лучшим, чем строй Московского государства. В истории ногайцы упоминаются в качестве кочевых орд, тогда как ногайцы занимались не только скотоводством, но и земледелием. Во всяком случае, совершенно точно можно установить, что территория дореволюционной Донской области в течение ряда столетий принадлежала ногайцам, которые кочевали от Яика (Урала) до Крыма, а на севере — до Хопра и Медведицы, при чем Московское государство находилось с ногайцами в постоянных дипломатических сношениях.

Но главным врагом, с которым столкнулся в борьбе за волжский путь торговый капитал Московского государства, являлся торговый капитал Турции, который держал в вассальном подчинении как крымцев, так и ногайцев. Буржуазно-дворянские историки рассматривают обычную борьбу с ногайцами и крымцами как борьбу леса и степи, как борьбу оседлого населения с кочевниками, как борьбу цивилизации с варварством, как борьбу христианства с мусульманством. Между тем, борьба происходила между торговым капиталом Московского государства и торговым капиталом Турции, орудием которых являлись ногайцы и Крым, а также многочисленные независимые феодалы Северного Кавказа.

Таким образом, „борьба со степью“ является такой же ложью, как и „вольная колонизация“, она также прикрывает классовые интересы торговой буржуазии и дворян-землевладельцев. Донское войско, именно войско в самом прямом, буквальном смысле этого слова, было поставлено на Дону против Азова, который являлся торговым центром, и замыкало путь от Азова по Дону. Терское казачество преграждало путь от берегов Черного моря на Шехаму, Дербенд и Баку.

Как образовалось войско на Дону.

В 1549 году на Дону, близ реки Воронеж, упоминается Сары-Азман, которого называют первым атаманом донских казаков (впоследствии эта территория вошла в состав Ворснежской губернии). В 1559 году Иван IV отправлял на Дон воеводу Игнатия Вешнякова, которому было поручено выбрать место для построения городка, и уже в 1563 г. упоминаются донские казаки. Первоначально первая станица атаманов и казаков находилась под Кобыковым городищем, но впоследствии донским

атаманам и казакам было приказано находиться у Раздоров Донецких и близко к Азову не стоять.

В 1570 году к турецкому султану Селиму был послан из Рыльска до Азова по Северному Донцу дворянин Иван Новосил цев. От Рыльска проводить его было поручено Мише Черкашенину, „а с ним атаманом и казаком“.

Новосильцев спустился по Дону, на Аксайском устье, под Кобяково городище. Первая станица государевых атаманов и казаков находилась под Кобяковым городищем. Игнатий Кобяков, которому был дан наказ, чтобы он, проводивши посланника, остановился, „взгребши вверх Дону о Раздорах Донецких и в верх Донецких Раздоров, в котором месте пригоже“ и дожидался царского указа. В 1571 году, 17 августа, был послан на Дон атаман Никита Мамин, в наказе которому было сказано, что донским атаманом Суете Баломутову. Артему Кошелеву и Ивану Носу велено быть при Кобякове у Донецких Раздоров. В 1584 г. на низовья Дона был отправлен Гур Вердеревский с 300 чел. из украинских городов атаманов, казаков и бортников, которому было приказано быть выше Раздоров Донецких, казакам было предписано, чтобы они „промышляли сопча за один и Гура слушали во всем“. В 1592 г. казакам было приказано, вместе с посланным на Дон Петром Хрущовым, находиться у Раздоров Донецких, „в котором месте пригоже“, „а под Азовом бы близко на Дону не стоять“. Войско же находилось в этот период в „нижних юртах“ ниже Манычи, местом же сбора являлся Гостин, а затем Монастырский остров (Яр городок).

Так создавалось под Азовом донское войско. В 1593 г. упоминаются городки близ Азова, на Маныче. Черкасской и Раздоров. Правительственный характер организации войска был ясен крымскому хану, который писал царю, что „ему теснота великая от государя вашего казаков, многие убытки ему починили, а поставил же государь ваш новых четыре города блико Азова, на Манычи, да в Черкасской и в Раздорах, и из тех городков казаки приходя Азову тесноту чинят“. Но этот военно-стратегический захват не носил прочного, постоянного характера. Так, в 1593 г. посол Нащекин до Пэрэволоки в городках донских казаков не видел, так как они, якобы, зимою перебиты и побраны в плен черкасами и азовцами. Во всяком случае надо иметь в виду, что численно казачество в этот период не превышало, быть может, нескольких сот человек. Так, в 1585 г. упоминается 500 чел. казаков, которые собирались нагасть на Азов. У атамана Черкашенина было лишь „его прибору“ 50 чел. Однако, когда в 1644 г., после Азовского сидения, атаман Иван Каторжный жаловался и писал, „что мы... холопи твои людьми на Дону в конец

оскудали“, то на Московской Украине было набрано 3.205 человек „вольных“ людей на службу на Дон. В поручных записях „вольные охочие донской службы люди“ писали: „и быти нам за нашу порукою, служить государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси службу в войску на Дону и быть нам всем отовым, где по государеву указу государевы воеводы, и приказные люди, и донские атаманы нам в войске укажут“. На этот клич пошли и стрельцы, и боярские холопы, „и татарова, и черкасы“, — „беспременно едут и идут“, как писал из Воронежа стольник и воевода Бутурлин, жалуясь на „воровство“ и грабежи. В казаки нанимались от 2 до 5 рублей в год.

Эти вольные люди превратились потом в „вольных“ казаков. Термин „вольные“ являлся совершенно официальным. Так, в челобитной царю вольные люди писали: „бедные твои государевы последние холопишки жалованные и маложалованные и нежалованные вольные донские казачишки“. . . Эти вольные люди массами — человек по 200—300 бежали от тяжелых условий жизни и от голода обратно „на Русь“, и к концу 1646 г. их на Дону осталось служить 2165 чел.

Правительство было заинтересовано в том, чтобы „на Дону было людей. . . больше“, — как помечено на письме боярину Морозову о раздаче жалованья вольным людям. Но уже в 1648 г. войско донское в челобитной просило, „чтобы государь велел у них свою государеву пороховую казну и снаряд принять, а им велел бы государь указ учинить, где им жить. И реки-де им держать не с кем“. В том же году на Дон были посланы 1.000 человек солдат с иноземцами — „урядчиками“, во главе с дворянином Лазаревым. Казалось бы, с точки зрения теории происхождения казачества из „беглых“ людей, которых лишь „терпело“ правительство, оно должно было бы радоваться тому, что наконец-то, казачество растаяло. Между тем, мы видим совершенно обратное. По словам дворянина Лазарева, ему было велено „оберегать их казаков и юрты их, чтобы бусурманского разорения к ним никакого не было“. Таким образом, солдаты были посланы для охраны казаков.

Вряд ли представляет сколько-нибудь существенное значение вопрос о том, формировалось ли войско донское из разноплеменных отрядов, пополнялось ли оно служилыми людьми украинских городов, легло ли в основу его беглое крестьянство или привлеченные к Московскому государству на службу наемные отряды литовского короля или турецкого султана. В каждый данный момент Московское государство формировало войско из тех отрядов, которые были под руками, а спсобы формирования, а также национальный и социальный состав казачества менялись

на протяжении указанного выше времени. Войско же оставалось постоянно наемным орудием торгового капитала. Донские казаки первоначально не являлись постоянным населением Дона, а лишь служили на Дону, при чем атаманы станиц и войсковые атаманы приравнивались к дворянству, им давалась земля и платилось более высокое жалование, чем рядовому казачеству. Правительство иначе не расценивало донских казаков, как служилый люд. По своему национальному и социальному составу войско донское было разнородно, при чем беглые из пределов Московского государства вовсе не определяли его состава. Таким образом, существующее представление о том, что в основе казачества лежит вольная колонизация Дона беглыми людьми из пределов Московского государства, скрывавшимися от преследования правительства или от закрепощения—далеко не действительно. Среди донских казаков мы встречаем и татар, которые являлись туземным населением Дона, и литовских эмигрантов и выходцев из плена и мелких помещиков и сосланных по цареву указу разбойников, т. к. в то время Дон являлся местом ссылки, куда выселялись преступники.

Однако, если судить по дипломатической переписке XVI-XVII веков, начиная с Ивана IV, то можно получить представление, что на Дону живут беглые холопы, разбойники и т. д., убежавшие за пределы Московского государства. Именно такое представление и удержалось в исторической литературе. Объясняется это тем, что территория Дона находилась за чертой Московского государства, а турки, крымцы и ногайцы все время требовали „свести“ казаков с Дона. Но войско на Дону было необходимо торговому капиталу Москвы, и правительство вынуждено было всячески скрывать от своих конкурентов тот факт, что донские казаки состоят на службе Московского государства. Так, например, выдача жалования обставлялась строгой тайной, были даже случаи, когда в Московском государстве били кнутом и водили перед домом, где жили крымские послы, „курчан“, которые грабили вместе с казаками, выдавая этих курчан за казаков, чтобы крымцы видели, что донские казаки наказываются. В общем Московское правительство прибегало ко всяким уловкам, чтобы турки и крымцы не знали того, что донские казаки являются войском Московского государства и делало вид, что оно с казаками борется.

В 1640 г. крымскому послу Аталыку было заявлено, что помощи казакам от Московского государства не было. Между тем, в 1639 г. войску донскому было выдано 6.000 руб. денег, 2 тыс. четвертей хлеба, 200 ведер вина, 300 пудов пороху, 200 пуд. свинца, 350 ядер и фитили. Так обстояло дело при Михаиле Рома-

нове, не изменилось положение вещей и при Алексее. В 1646 г. правительство набирает на донскую службу „вольных“ людей, отправляет туда 5.000 руб. деньгами, 5.000 четвертей хлеба, 200 пуд. пороху, смолу, железо, холст и на „вольных“ казаков 15.000 руб. денег, 5.000 четвертей хлеба, 300 пуд. пороху, 400 пуд. свинцу, 1.000 ядер, пищали и т. д., в 1647 г.—3.400 р. денег, 5.000 четвертей хлеба, 400 пуд. пороху, 500 пуд. свинцу, 5.000 ядер, 300 рогатин и железо. И в том же году царь пишет турецкому султану, что он на Азов ратных людей не посылал и что невозможно свести донских казаков из Черкасского городка, а в грамоте крымскому хану царь писал, что невозможно свести казаков с Дону, так как там живут „утеклецы“ из разных мест, которые не слушают царских повелений.

Стиль жалоб турецкого султана и крымского хана и ответов московских царей почти не меняется. В 1573 году турецкий султан и крымский хан настаивали казаков с Дону свести: „И которые казаки у тебя на Дону, ты б тех казаков велел свести, чтоб брата нашего хандыкерева величества городу Азову от них доуки не было“. А царь отвечал: „А что брат наш Магмет-Кирей царь писал к нам в своей грамоте, чтоб нам с Дону казаков свести, чтобы Азову убытки нечинили, и наших казаков на Дону нет и не посылаем никого, а живут на Дону всяких земель беглые люди нашего государства и литовские земли“.

В 1648 г. крымский хан писал царю: „Да донских казаков вам, брату нашему, унимать и под Азов им ходить не велеть и дурна никакого Азову не чинить“. А царь на требование турецкого султана свести казаков с Дона в 1647 г. отвечал, что это сделать невозможно, так как „казаки живут на Дону по своей воле кочевным обычаем, с ними же вместе живут различных стран люди: литовцы, немцы, горские и запорожские черкасы, крымцы, ногайцы, азовцы, а все сии люди моего повеления не слушают“.

Основой существования этого наемного войска, прежде всего, являлось царское жалованье. Под жалованьем надо понимать не только деньги и хлеб, но и обмундирование, сукно, холст, военные припасы: порох, свинец, серу, селитру и т. д. Жалованье не носило характера случайных и временных денежных подачек, а вполне обеспечивало существование донского казачества, как вооруженной силы. Во всяком случае с 1613 г. по 1700 г. жалованье не было послано на Дон лишь в следующие годы: 1618, 1619, 1620, 1625, 1626, 1627, 1629, 1630, 1631, 1636, 1670. От XVI века сохранилось мало сведений, но имеется упоминание о выдаче жалованья в 1571, 1584, 1592, 1593 и 1594 г.г.

Между атаманами и казаками в служебной иерархии того времени существовала резкая грань. Войсковые и станичные атаманы приравнивались к детям боярским и верстались по местным окладам. Поместные оклады атамана колебались от 350 до 750 чети и денежное жалованье от 12 до 40 руб. Так, войсковой атаман Тимофей Лебязья Шея получил поместного оклада 750 чети и 40 руб. денег, а донской станичный атаман Медведев получил поместного оклада 500 чети и 20 руб. денег.

Таким образом, когда речь идет о жалованьи, то надо иметь в виду, что под жалованьем надо понимать все необходимое для снабжения войск и что жалованье вовсе не являлось случайным. Содержание войска донского не деш во обходилось московскому правительству, составляя на наши деньги к концу XVII в. 42.000 руб., не считая стоимости сукна, вина и других расходов. Атаманы получали почти вдвое больше казаков денежного жалованья. Когда казаков в XVII в. звали на службу, то атаману было положено жалованье 11 руб., есаулу—8 р., казаку—6 р. Впрочем, иногда в раздел жалованья привносилась уравнительность.

Другой доходной статьей казачества, помимо жалованья, являлся грабеж. В то время грабеж, военное ремесло и торговля переплетались одно с другим и ничего необычного такое сочетание не представляло. Разбойниками кишели дороги Западной Европы, точно так же, как и торговые пути Московского государства. На морских путях как на Западе, так и в Московском государстве мы видим морских пиратов, которыми являлись и донские казаки. Донские казаки своими стругами, вмещавшими 30—70 чел., бороздили Черное море и грабили берега и суда. Слово „казак“ для иностранцев. плававших по Черному морю, было тождественно с именем морского пирата. Грабеж был совершенно официальным промыслом донских казаков, история донского казачества полна описаниями морских походов „за зипуном“ и жалоб турок и крымцев на грабежи прибрежных городов. По существу эти походы—разгром турецких каторг и торговых центров Турции и Крыма, находившихся на Черноморском побережье—являлись обычным для своего времени приемом конкуренции. Иногда же под видом грабежа, якобы, „вольных“ казаков, Москва оказывала существенную услугу своей союзнице Персии. В 1625 году, когда турки хотели итти к Багдаду, чтобы вырвать его у Персии,—донские казаки завладели некоторыми турецкими городами и заставили турок отложить свое предприятие. Точно так же обстояло дело в 1637 г. со взятием донскими казаками Азова. В это время Персия воевала с Турцией, и взятие донскими казаками Азова нанесло Турции существенный вред и оттянуло их силы.

Основной доходной статьей донских казаков являлся турецкий

Азов, с которым они находились в состоянии почти непрерывной войны. Мир заключался лишь на время пребывания послов Московского государства в Турции. Иногда даже с Азовом замирялись не все казачьи городки. Сама по себе война эта не влекла никаких дипломатических осложнений между Турцией и Московским государством.

Таким образом, грабеж, наряду с жалованием, являлся основным источником существования донского казачества. Несмотря на то, что между казаками, громившими на Волге и Каспийском море персидские бусы и купеческие насады, и казаками, громившими на Черном море турецкие каторги, не было никакой по существу разницы,—первые назывались „воровскими“, а вторые получали царское жалование. Торговый капитал Москвы „жаловал“ казаков за дезорганизацию торговли конкурентов и преследовал их, если они поднимали руку на его хозяина.

Наряду с военной службой и грабежом, основным источником существования донского казачества являлась торговля. Немаловажным объектом торговли являлась торговля ясверем, т. е. работорговля, широко распространенная тогда и в Западной Европе. Торговыми караванами являлись и „станции“, посылаемые донским войском в Москву, а атаманы станиц напоминали купцов, за которых их принимали иногда даже в Москве. Войско донское, с одной стороны, являлось орудием торгового капитала Московского государства, с другой стороны, само по себе, оно являлось организацией разбойничьего капитала. Атаманы и позднее „старшины“, т. е. сравнительно небольшая кучка капиталистов, в руках которых находилось войско, организовывали грабежи и забирали себе половину добычи. Таким организатором разбойничьей „испольщины“ являлся известный в истории донского казачества атаман Корнилий Яковлев. Донские атаманы и старшины срачивались с торговым капиталом, олицетворяя в своем лице наемных солдат, грабителей и капиталистов. Казачья „вольница“ превращалась в разбойничье орудие торгового капитала, отбиравшего львиную долю добычи, а пестрая казачья масса находилась в постоянной экономической зависимости от ростовщического и торгового капитала.

В то время духовенство, особенно черное, играло важную роль в торговле и кредите. Обладая огромными богатствами, монастыри вели широкую торговлю и занимались ростовщичеством. Солдат, купец и поп в колониальной политике шли рука об руку. Крупным хозяйством и складом награбленных товаров войска являлся Борщев, монастырь (близ Воронежа), где был „гостинный“ двор, так же, как на Дону существовал „Монастырский остров“.

Если пестрый люд, поступавший в казачью службу, был заинтересован в жаловании и возможности грабежа, как в основных источниках существования, то вопрос об условиях торговли, прежде всего о пошлинах, касался, главным образом, той группы атаманов и казаков, которая кредитовала грабеж, как доходное предприятие. Михаил Романов, которого один иностранец назвал „первым купцом в государстве“, дал этой группе жалованную грамоту на беспошлинную торговлю. Если мы присмотримся к составу войсковых атаманов XVII столетия, то увидим, что власть переходила из рук в руки среди ограниченной группы лиц, и держалась не столько на выборности, сколько на полной бесправности казачества и экономической зависимости его от представителей ростовщического и торгового капитала.

В общем Донское войско в XVI-XVII веках выполнило историческую задачу, возложенную на него торговым капиталом Московского государства. В этот период войско Донское не претендовало ни на какую территорию, не являлось ни государством, ни автономной областью, оно по существу было лишь составной частью государственного аппарата, как орудие насилия господствующих классов в качестве колониального наемного войска. Вполне понятно, что естественное размножение не могло оказать сколько-нибудь заметного влияния на формирование донского казачества, на увеличение народонаселения Дона, и войско донское в этот период пополнялось за счет пришлых людей.

Целый ряд особенностей как внутренней организации войска, так и его взаимоотношений с Москвой был обусловлен тем, что войско находилось на территории, не входившей в черту Московского государства, что сношения с Москвой были затруднительны, что правительство было вынуждено скрывать тот факт, что войско состоит у него на службе и им организовано, а также в силу постоянного опасения, что войско может перейти на службу к другому государству, что не раз и бывало. Некоторые партии донских казаков уходили на службу к литовскому королю, выполняли задания польских королей, наконец служили у персидского шаха. Некоторые же партии переходили на службу к крымскому хану. Так, почти за 100 лет до переселения на К бань остатков Запорожской сечи, т. е. такого же наемного войска, как Донское, находившегося раньше на Днепре, существовало Кубанское войско, состоявшее из беглых донских казаков и служившее крымскому хану. Это войско имело атамана и войсковую печать и пользовалось предоставленным крымским ханом правом беспошлинной торговли.

В отношении внутреннего управления войско Донское не подвергалось мелочному вмешательству центральной власти. Власть

атаманов—агентов правительства—была достаточно твердой и прочной. Во всяком случае говорить об управлении войском, как о демократии, никоим образом нельзя. Мы не имеем указаний на то, что станичные атаманы выбирались, но есть основание полагать, что станичные атаманы „прибирали“ казаков, т. е. набирали их на свою службу. Фактическая власть над всем войском, как уже упоминалось, находилась в руках небольшой кучки—представителей торгового и ростовщического капитала. Представление о войске этого периода, как о демократии, законодательным органом которой является „круг“, далеко от действительности. Слово „круг“ в то время означало собрание и, в сущности говоря, „кругом“ являлось не что иное, как собрание войска или его части, и само Московское правительство заботилось о том, чтобы в особых случаях собиралось все войско. Никакой правильной организации круга не существовало и решение круга было обязательно лишь для самого войска. Прочее же население Дона—ногайцы, а затем калмыки и, наконец, семейные черкасы—выходцы из Литвы, управлялись сами собой. И ногайцы, и калмыки воевали и мирились, переходили то в подданство Московского государства, то в подданство Турции и были совершенно независимы от войска Донского.

В борьбе за волжский торговый путь и монопольную торговлю с Персией, Средней Азией и Индией Московское государство столкнулось, как мы говорили, с Турцией, в руках которой находилась эта торговля раньше и которой принадлежал Азов, являвшийся в это время важнейшим экономическим и стратегическим пунктом. По словам одного современника-турка, жителя Азова, турецкая казна из-за донских казаков теряла от азовской торговли 80.000 золотых в год, что на современные деньги составляет огромную сумму. Точно так же велик был убыток Турции от потери Астрахани, который, по официальным заявлениям турок, составлял от потери одной торговой пошлины („тамга“) в день 1.000 золотых.

Торговый капитал Турции, заинтересованный в возвращении старого торгового пути, в сохранении в своих руках монополии на торговлю между Востоком и Западом, оказал Москве упорное сопротивление и пытался повернуть вспять русло торговли. В этой борьбе орудием Турции явился Крым и часть ногайцев, но, главным образом, Крым, который буржуазные историки называют „гнездом разбойников“. Походы 1556—1558 г. и 1565 г., наступление на Астрахань в 1569 г. и относящаяся к этому же времени попытка соединить Волгу с Доном посредством канала, наконец нашествие на Москву в 1571 г., походы 1591 г. не борьба степных кочевников с оседлым земледельческим населением, как рассма-

тривают эту борьбу буржуазно-дворянские истерики, не борьба степи и леса, как это представляет историк прошлого столетия С. Соловьев, а борьба торгового капитала Турции с торговым капиталом Московского государства. Турция и просила и требовала уступить Казанское и Астраханское царства, „свести“ с Дона казаков и открыть торговые пути через Кавказский перешеек. Так, например, в 1593 году, „лучший Азовский человек Усейн-Чилибей“, т. е. наиболее влиятельный и богатый, говорил послу Нащокину, что азовские люди терпят от донских казаков „тесноты великия“ и что до этого времени турецкая казна получала в Азове до 80.000 золотых и что именно за это турецкий султан приказал крымскому хану итти войной на Московское государство. Таким образом, Крым являлся лишь орудием в руках Турции.

В том же году, на с'езде в Ливнах, в постановлении о мире между Москвой и Крымом, вассалом Турции, было выставлено следующее требование: „Козаки Донские Хандыкерева величества Азову тесноты чинят великие, а терские турецкого Салтана людем в Дербень и в Шемаху и в иные города дороги не дадут, а Жанским черкасам тесноты и обиды чинят и государь бы Ваш велел казаков з Дона свести, а к Дербени и к Шемахе дороги велел очистить и Жанским бы черкасам вперед оиды и тесноты чинить не велел“.

Смысл всех требований сводился к тому, чтобы восстановить торговые пути по Дону и через Кавказский перешеек. Решался вопрос о том, кому быть гегемоном в торговле между Европой, с одной стороны, Персией, Индией и Средней Азией,—с другой. Эта борьба в исторической литературы прошлого представляется, как борьба с кочевыми „хищниками“, леса и степи, христианства и магометанства, цивилизации и варварства. Все дело, однако, сводилось к схватке торгового капитала Москвы и Турции, при чем за спиной Москвы стояли Англия и Персия. С Персией у Московского государства установились самые прочные и дружеские отношения. Персия и Москва оказывали друг другу взаимные услуги. Например, взятие донскими казаками Азова в 1637 году, которое представляется как подвиг донских казаков, являлось по сути дела дружеской услугой Московского государства по отношению к Персии, которая в это время воевала с Турцией. По окончании войны туркам был возвращен и Азов, так как обладание Азовом не входило в задачу торгового капитала Московского государства, оно снова повернуло бы поток торговли по старому пути.